

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ТЕОРІЇ ЛІТЕРАТУРИ ТА ЛІТЕРАТУРНОЇ КРИТИКИ

УДК 82.09

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-2-20-1

Г.Л. НЕФАГИНА,

*доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой русской филологии
Поморской Академии в Слупске (Польша)*

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. УЛЬЯНОВА

Статья посвящена литературно-критическим взглядам представителя второй волны русской эмиграции Н. Ульянова. Среди генерации эмигрантских писателей, которая получила советское образование и впитала советский образ мышления, Ульянов был явлением исключительным, обладавшим энциклопедическими знаниями русской и зарубежной культуры, а главное – свободой мысли. Его работы, опубликованные в сборниках «Скрипты», «Диптих», «Спуск флага», позволяют понять историю и особенности формирования литературы второй волны эмиграции, специфику жанра исторического романа, кризисные явления в культуре XX в.

Основные проблемы литературно-критического творчества Ульянова связаны с определением места писателей ди-пи в литературе русского зарубежья и целей их творчества, с возможностью осуществления миссии новых эмигрантов как преемников духовных традиций первой эмиграции. Принципиальным положением концепции эмигрантской литературы Ульянов считал не беллетризацию политических взглядов, а высокий эстетический уровень.

Называя писателей-эмигрантов его поколения «детьми заката», Ульянов высказывал тревогу о судьбе не только русской литературы, но и европейской культуры, в которой прекрасное начинает замещаться уродливым, а красота – утилитарностью.

Анализ литературно-критических статей Ульянова расширяет пространство знаний о литературе второй волны эмиграции.

Ключевые слова: вторая волна эмиграции, «дети заката», политизация литературы, проблема преемственности, исторический роман.

Статтю присвячено літературно-критичним поглядам представника другої хвилі російської еміграції М. Ульянова. Серед генерації емігрантських письменників, яка отримала радянську освіту і ввібрала радянський спосіб мислення, Ульянов був явищем винятковим, володів енциклопедичними знаннями російської та зарубіжної культури, а головне – свободою думки. Його праці, опубліковані в збірниках «Скрипти», «Диптих», «Спуск прапора», дозволяють зрозуміти історію та особливості формування літератури другої хвилі еміграції, специфіку жанру історичного роману, кризові явища в культурі XX ст.

Основні проблеми літературно-критичної творчості Ульянова пов'язані з визначенням місця письменників ді-пі в літературі російського зарубіжжя і цілей їх творчості, з можливістю здійснення місії нових емігрантів як наступників духовних традицій першої еміграції. Принциповим положенням концепції емігрантської літератури Ульянов вважав не беллетризацию політичних поглядів, а високий естетичний рівень.

Називаючи письменників-емігрантів його покоління «дітьми присмерку», Ульянов висловлював тривогу про долю не тільки російської літератури, а й європейської культури, в якій прекрасне починає замінюватися потворним, а краса – утилітарністю.

Аналіз літературно-критичних статей Ульянова розширює простір знань про літературу другої хвилі еміграції.

Ключові слова: друга хвиля еміграції «діти присмерку», політизація літератури, проблема наступності, історичний роман.

Имя Николая Ивановича Ульянова в культуре второй волны эмиграции связано прежде всего с его работами по истории. Этой стороне его деятельности посвящены статьи [3; 4; 5; 6; 10] и диссертация [2]. **Меньше отражено в научных исследованиях его литературное и критическое наследие.** Между тем, Н.И. Ульянов обладал и даром писателя, и чутьём блестящего критика, и панорамным видением историка культуры. Для поколения, образование и воспитание которого пришлось на советские сталинские годы, он был уникальным по эрудиции и свободе мышления человек. Его скорее можно было бы назвать личностью серебряного века. Неслучайно в статье «Забывтый бог», посвященной одному из лучших в начале XX в. журналов по искусству, он писал, что «“Аполлон” воспитал в русском человеке чувство ценности искусства и сознание необходимости его защиты от кентавра общественности» [16, с. 86]. **Это воспитанное культурой серебряного века чувство определило основные принципы культурной деятельности Ульянова.** Писатель и критик второй волны М. Коряков охарактеризовал главный результат его деятельности как урок внутренней свободы. О художественном творчестве Ульянова – историческом романе «Атосса» и рассказе «Первого призыва» – мне уже приходилось писать [11; 12].

Для понимания особенностей литературного существования второй волны особый интерес представляет критическое наследие Н. Ульянова. Блестящий и беспощадный критик, человек свободных и независимых взглядов, эрудит, обладающий широким кругозором, Ульянов писал статьи по русской и зарубежной литературе, театру, спорил с литературоведами и критиками, оставил оригинальные интерпретации творчества Н. Гоголя, Л.Н. Толстого, Н. Гумилева. Из его статей вырисовывается представление о роли писателя-эмигранта в истории русской литературы, об эстетических принципах творчества, об ответственности литературы перед будущим России. Многие замечания Ульянова не только сохраняют свое значение, но и приобретают особую актуальность в наши дни.

Объектом данного исследования явились статьи разных лет, представленные в сборниках «Скрипты», «Спуск флага», «Диптих», а также опубликованные в некоторых эмигрантских журналах. К сожалению, эти работы, как и вообще многие литературные и критические произведения второй волны эмиграции, до сих пор мало доступны не только читателю, но и профессиональным филологам. Цель настоящей статьи и состоит в том, чтобы ввести в научное пространство ульяновскую концепцию эмигрантской литературы, представить его литературоведческие взгляды, показать особенности восприятия Н. Ульяновым творчества писателей-классиков и его современников.

Одним из важнейших для писателей военной эмиграции и ди-пи был вопрос их места в эмигрантской литературе. В статье «Десять лет» Ульянов отмечает многие проблемы и болевые точки дипийной литературы. «Новая» эмиграция была встречена эмиграцией первой волны с настороженностью. Бывшие «советские» вызывали любопытство, но поскольку среди них были единицы, писавшие до эмиграции (Родион Акульшин-Березов, Глеб Глинка, Разумник Иванов-Разумник, Дмитрий Кленовский), и почти все были не известны за границей, то первая эмиграция не знала их как писателей, а тем более не рассматривала их как восприимчивых культуры русского зарубежья. Ульянов пишет, что появление публикаций дипийцев оставалось почти незамеченным, тогда как любое упоминание произведений могло бы сыграть роль в литературной судьбе автора. Ни старшее поколение писателей первой волны, ни младшее, само получившее определение «незамеченного», почти не откликнулись публично на появившиеся произведения «новых».

Не без горькой иронии Ульянов замечает, что только через десять лет наступило что-то вроде оттепели, и «особенно значительным, прямо-таки историческим, представляется выступление Г.В. Адамовича, посвятившего в “Русской мысли” небывалый по размерам (целых четыре столбца!) отзыв о рассказах Г. Андреева и Л. Ржевского» [15, с. 8], а в книге об эмигрантской литературе Г.П. Струве [24] вообще не нашлось места «новым» писателям. Объективно подходя к последнему утверждению Ульянова, следует заметить, что

комплексного аналитического исследования «новой» литературы, действительно, в книге Струве нет. Но стоит обратить внимание на подзаголовок «Опыт **исторического** (выделено мною – ГН) обзора зарубежной литературы», ведь как таковая история литературы второй эмиграции еще только складывалась. Струве, тем не менее, дает краткий обзор состояния новоэмигрантской литературы, выделяя дипийный период и период собственно эмиграции (в основном в США и Канаду), перечисляет поэтов и писателей, уже вошедших в литературу русского зарубежья. Более того, он надеется, что новая эмиграция сможет сменить первую волну в развитии русской литературы в изгнании. Однако необходимым условием смены может быть сохранение связи «с русским языком и русской культурой, которую уже утратило или утрачивает младшее поколение старой эмиграции» [24, с. 261]. Правда, многие писатели первой волны опасались, что хранимый ими чистый русский язык может быть испорчен «советизмами», проникновением вульгаризмов, грубого уличного языка, который принесли «новые» эмигранты. Ульянов тоже предупреждал, что многие талантливые писатели второй волны могут погубить свое дарование языковым натурализмом, «выходящим за пределы эстетики». Стремясь реалистично изобразить советского современника, они используют такие «словечки и выражения, от которых не всякий способен на ногах устоять» [14, с. 298].

В 1950-е гг. вопрос о литературном будущем эмиграции, о смене был весьма актуален. Анализируя перспективы русской литературы в эмиграции, Ульянов не всегда справедлив в оценке деятельности первой эмиграции. «Грех староэмигрантского писательства в том, что оно <...> свое изгнанничество ощутило, в лучшем случае, как личную драму, но ни исторически, ни культурно, ни общественно не пережило. <...> Таким же несправедливым житием отличалось гениальничавшее поколение Поплавского. Судьба его, действительно, печальная, но оно было ниже своих страданий, пришло в литературу не с душевным состоянием, которое единственно достойно писателя-изгнанника» [24, с. 11]. Надо ли это понимать как упрек в том, что старшее поколение не выпестовало плеяды преемников и что «незамеченное» больше было сосредоточено на достижении собственной славы? Или речь идет о другом – о значении и назначении литературы в эмиграции?

В конце 1950-х ни старшее поколение первой волны, ни «незамеченное» уже не давали притока новых сил и не открывали новых путей в литературе. Немало талантливых писателей – детей и внуков первой эмиграции, ассимилировавшись, вливались в иноязычную литературу (Анри Труайя – Лев Асланович Тарасов, А. Боске, Зоэ Ольденбург). Ульянов понимал, что с уходом старой эмиграции – не только писателей, но редакторов, критиков да и русскоязычных читателей – возникнет угроза существованию эмигрантской литературы. Он опасался, что «пишущие еще будут, но не будет писателей» [17, с. 97]. Продолжение русской литературы он, как и Струве, связывал с писателями ди-пи, при этом понимая все недостатки и особенности воспитанных в советских условиях и знающих только одну – сталинскую – действительность эмигрантов второй волны.

Ульянов не отделял себя от генерации дипийцев и достаточно критично относился к культурному багажу новой эмиграции. « <...> За нами не числится крупных дел. Не только оперы, балета, театра, но сколько-нибудь приличной библиотеки не устроили. Пришли на все готовое. Ни одного умственного движения, вроде Евразийства или Нового Града не породили, ни одного Дягилева из нас не вышло, ни одного крупного редактора, вроде М.М. Карповича» [15, с. 9].

Почему же Ульянов связывал будущее русской литературы в эмиграции со второй волной? В сформировавшемся за границей поколении молодых писателей, которые не вдыхали дым отечества, он не чувствовал ни любви к России, ни понимания ее. Он не без основания считал, что им чужда русская культура и они чужды ей, что они способны создать литературу на русском языке, но не Русскую литературу. Ему близки были слова Ходасевича о том, что «национальность литературы создается ее языком и духом, а не территорией, на которой протекает ее жизнь, и не бытом, в ней отраженным» [25, с. 340]. Только новой эмиграцией могла быть продолжена подлинно русская литература с ее духовной сущностью.

Для того, чтобы вторая волна могла выполнить экзистенциальную функцию в литературе эмиграции, она, по мнению Ульянова, должна перестать обслуживать политику,

перестать зависеть от «партийщины». Выйдя из советской системы, в которой литература была насквозь идеологизирована, писатели второй волны нередко во главу угла ставили разоблачительный политический пафос, использовали соцреалистические схемы романов, только наполняя их антисоветским содержанием. Ульянов был противником политизации литературы, рецидивов «советчины» в ней. Он понимал, что не может быть абсолютно аполитичных произведений, не связанных с общественными тенденциями времени. Но «необходимым требованием художественного произведения во все времена было, чтобы политика, как и прочие элементы, входила в него на основе подчиненности принципам искусства» [14, с. 283]. Русская литература должна передавать метафизическую сущность России. «Надо быть величайшим изменником Родины, чтобы, презрев ниспосланный нам дар свободы, завести у себя такой же „улей запустелый“, как в Советском Союзе, где „дурно пахнут мертвые слова“» [15, с. 24].

Ульянов видел миссию эмигрантской литературы не в беллетристическом воплощении идеологических и политических взглядов, а в эстетических достоинствах, в собственно художественности, в сохранении преемственности с величайшими образцами русской культуры. «Политическая миссия русской словесности за границей – в удержании писательского уровня на степени, достойной великого века нашей литературы» [15, с. 15]. В этой связи он замечает, что присуждение Бунину Нобелевской премии было для Лубянки более сильным ударом, чем «пикетирование советских посольств» [15, с. 13]. Попытки некоторых новых эмигрантов низвергнуть старых эмигрантских поэтов и писателей, таких как Иван Бунин, Борис Зайцев, Георгий Иванов, объявить их не отвечающими времени Ульянов рассматривал как подмену литературы политической борьбой, которая приведет к гибели литературы. В статьях разных лет, как обзорных, так и посвященных отдельным писателям, лейтмотивом звучит мысль о недопустимости политической ангажированности творчества. Для Ульянова истинное искусство состоит в том «порывании за грань», которое явлено в творчестве Зайцева, Бунина, Гумилева. Потому он совершенно не приемлет трактовки Гумилева как борца с советской властью. Потому ему близки идея Ходасевича о духе посланничества эмигрантской литературы и убежденность поэта в том, что для выполнения своей миссии «литература должна оставаться литературой» [18, с. 147].

В статье «После Бунина» Ульянов обращается к сущности русской литературы, настаивая на том, что истинная русская литература сохраняется в эмиграции, а в СССР литература настолько политизирована, что перестала быть явлением эстетическим и выполняет лишь прагматическую, обслуживающую функцию. Истоки политической прагматики, приводящей литературу к забвению ее эстетической сущности, Ульянов видит во взглядах Писарева, Чернышевского и Добролюбова – критиков 1860-х гг. Вспомним, что и по мнению наиболее деполитизированного писателя первой эмиграции Владимира Набокова, так высоко художественно воплощенному в романе «Дар», именно Чернышевский проложил путь к разрушению русской литературы. «Шестидесятническую» критику Ульянов считает праматерью социалистического реализма, о котором все слышали, но никто не может вразумительно сказать, что это такое.

Анализируя взгляды Писарева, идеи которого он считает основополагающими для соцреализма, Ульянов обращает внимание на внеположенность искусству писаревской трактовки реализма, на замену понятия «социализм» менее раздражающим цензуру «реализмом». «Реализм – не течение в искусстве, не школа, а умонастроение, мировоззрение, политическая доктрина <...>. Скажем сразу: реализм Писарева как две капли воды похож на социализм. <...> Вот почему большевики и все наши революционеры очарованы были словом „реализм“. Присовокупив к нему эпитет „социалистический“, они превратили все выражение в тавтологию» [21, с. 30]. Понимание Ульяным термина «соцреализм» как не имеющего ничего общего с эстетическими категориями, только много позже, уже в 1990-е годы, вошло в советское и русское литературоведение [7; 8].

Демонстрируя генезис соцреализма, Ульянов предостерегал против любого утилитаризма в искусстве, который неизбежно ведет к гибели самого искусства. Он отмечал, что «новая» эмиграция, воспитанная советской школой, не имеет культуры слова, чувства художественности произведения, его «сделанности», которые были основой литературы перелома XIX–XX вв., **недаром названного серебряным веком. Естественно, что большин-**

ство дипийцев видели смысл эмигрантской литературы в ее политической борьбе, забывая признание Некрасова: «Мне борьба мешала быть поэтом».

Ульянов вовсе не сторонник «искусства для искусства», но он против замены художественности политической актуальностью. По его мнению, эмигранты из советской России обладают таким опытом жизни, который будет неоценим для читателей и старой русской эмиграции, и западного мира. Только большее воздействие будут иметь не облеченные «в плохую беллетристическую форму, в форму вымысла» [21, с. 41] романы, а автобиографии и мемуары о лично пережитом. «Рассказ должен быть воплем неподдельного ужаса и отчаяния. Между тем, редкое воспоминание о Соловках и Колыме свободно от литературничанья. Некоторые прямо подражают какому-нибудь известному образцу, например, „Россия в концлагере“ Солоневича, имевшей в свое время большой успех как первая книга в этом роде. И какое это бывает унылое и скучное чтение! <...> Воспоминания пишут не кровью сердца, не переживая заново свои страдания, но становятся в литературную позу, рассчитанную на эффект» [21, с. 42]. Для того, чтобы пережитый опыт воплотился в подлинно художественную форму, был глубоко осмыслен, нужна временная дистанция, нужно научиться писать не по-советски.

В статье «Внуки Лескова» Ульянов полемизирует с одноименной статьей А. Алымова [1, с. 3–4] (один из псевдонимов Б. Ширяева), в которой генеалогия некоторых писателей второй волны ведется от Лескова как писателя, который, по мнению автора, не выдумывал и не вылепливал своих героев, а просто брал их из жизни. Ульянов отмечает общность указанных в статье Алымова писателей, но видит ее в политической установке, а не в эстетических особенностях и не в родстве с творческими принципами Лескова. Анализируя произведения некоторых писателей второй волны, он показывает стилевую чужеродность фрагментов «актуализации» в романах «Денис Бушуев» С. Максимова, «Машка» А. Волкова, «Враг народа» С. Юрасова, в пьесе Г. Андреева и Л. Ржевского «Награда». Признавая несомненный литературный дар этих писателей, Ульянов уверен, что он не может раскрыться в полную силу из-за ложно понятой необходимости разоблачительной направленности литературы.

Лейтмотив почти всех литературоведческих и критических статей Ульянова – служение России словом, сохранение на чужбине настоящей художественной, что означает высоко эстетической русской литературы. В литературе второй волны надежды на сохранение высокого уровня Ульянов связывает с поэзией. Бесспорно талантливыми, в стихах которых живут «литературный ковчег завета, преемственность со славными временами, вкус, артистизм» [15, с. 16], он считает Дмитрия Кленовского, Лидию Алексееву и Ивана Елагина.

Статьи Ульянова пронизаны тревогой о будущем литературы как хранилища духовных и эстетических ценностей. Пессимистическая картина, выраженная замятинским «Я боюсь, что у русской литературы одно только будущее – ее прошлое», связывалась в первое послевоенное десятилетие с постепенным, но неизбежным уходом писателей первой эмиграции, небольшим числом дипийцев, заявивших о себе как писатели. Но Ульянов заметил другую опасность, которая проявилась уже в 1960-е гг. и в советской литературе, и в русской литературе эмиграции: «смерть таилась не в исчезновении пишущих, а как раз в необычайном увеличении их числа. Никогда на Руси не было такого количества графоманов и ни одна Европа не переживала более пышного ренессанса бездарностей» [19, с. 130]. Ульянов постоянно подчеркивает, что недопустимо поднимать на пик славы ничего не представляющие собой в художественном отношении произведения только на том основании, что они актуальны политически, что нужно развивать не комплиментарную критику, радеющую «родному человеку» и возносящую посредственность, а строгую, даже тираническую к бездарности, но острым глазом замечающую таланты.

Чутко улавливая политическую конъюнктуру, Ульянов скептически отнесся к свободе творчества советских писателей в хрущевскую оттепель. В открывшейся для советской литературы возможности говорить о прежде запретном – о лагерях, культе личности Сталина – он видит только уловку власти. «Кремлевский режим, заведенный Сталиным в террористический тупик, ловко воспользовался беллетристическим и стихотворным творчеством для перемены климата. Часть писателей привлечена была к десталинизации. Этим объясняется, почему авторы произведений, за которые полагались смертная казнь, не только не

пострадали, но награждены всероссийской и мировой известностью» [22, с. 29]. Он убежден, что некоторая свобода – это не результат бунта писателей, а подарок власти, который можно и отобрать. И, как показала история, он был прав: сам же «даритель» Хрущев разгоном «бульдозерной» выставки вновь сузил границы допустимой вольности в искусстве.

Ульянов не высоко, с точки зрения эстетической, оценивает «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, «Бабий Яр» А. Кузнецова, «Не хлебом единым» А. Дудинцева, объясняя их популярность в Советском Союзе и за рубежом политикой, а не литературными достоинствами. Но временами нетерпимость к конъюнктурной литературе приводит Ульянова к необъективной огульной оценке творчества советских писателей. Так, в статье «Спуск флага» он всех молодежных поэтов записал в когорту наследников Суркова и Твардовского, «сталинских, ждановских надсмотрщиков» [22, с. 31], с его точки зрения. Если А. Вознесенского или Е. Евтушенко еще можно обвинить в политизации творчества, то причисленная ко «всем этим» Б. Ахмадулина попала в группу ангажированной властью «молодежной поросли» несправедливо: ее популярность могла быть связана с необычной для предшествующей советской поэзии лиричностью, с каким-то «старомодным» книжным стилем, с авторской манерой чтения стихов, но никак не с идеологией.

Обладая безупречным чувством слова, Ульянов считал принципиально неприемлемым для эмигрантской литературы второй волны забвение литературной культуры предшественников. Его статьи, анализирующие стиль и язык классиков и писателей старшего поколения эмигрантов, его интерпретации повести Н. Гоголя «Нос», спор со сторонником формального метода В. Шкловским о смысле театральных сцен в «Войне и мире» Л. Толстого, об отношении писателей к театру, размышления об историческом романе не утратили своего значения для литературоведения и в настоящее время.

Будучи профессиональным историком, Ульянов не мог обойти вниманием жанр исторического романа. Проблема возможности существования исторического романа в современной литературе встала в эмиграции в 1950-е гг., а появление первого варианта статьи Ульянова об этом жанре связано с «Комментариями» М.М. Карповича в «Новом журнале» [9]. Основные положения этой публикации уже рассматривались мною [12]. В сборнике «Диптих» была напечатана статья под тем же названием, но в расширенном виде.

Ульянов отмечает родство истории и поэзии, напоминая о том, что история, прежде чем стать наукой, была поэзией, что рассказ и история в некоторых языках обозначаются одним словом. Он разделяет точку зрения Н.А. Реймерса, согласно которой история – «духовная деятельность человека, в которой перебрасывается мост между наукой и искусством» [13, с. 12]. **Согласно Ульянову, у историков и романистов общий предмет и материал, но методы и цели различны.** «Ученый-археолог, открывший греческую статую, отправит ее в музей в том виде, в котором она дошла до него – с отбитым носом, с отломанными руками; художник не успокоится, пока не приделает ей новый нос и новые руки. Один служит документальной правде, другой – правде художественной» [20, с. 10].

Существовали две точки зрения на исторический роман: одни считали необходимым точно следовать фактам и понимали его как научно-популяризаторский жанр, другие воспринимали историчность как вымысел, в котором могут в отдаленные исторические времена действовать вымышленные лица. Понимание исторического романа как альбома для раскрашивания, в котором история – основа, а писателю позволено только расцветивать картинки, не принимается Ульяновым. Но равно нельзя считать историческим произведение, в котором отсутствуют и исторические события, и исторические лица, а есть действия вымышленных героев, просто отнесенные в неопределенные времена. «Рассказ не о вымышленных людях и происшествиях, а о действительно бывших и не о простых, а о значительных, оставивших след в памяти поколений, составляет существо исторического романа» [20, с. 15]. **Такими персонажами могут быть короли, полководцы, поэты, ученые, герои.** Редактор «Нового журнала» М.М. Карпович увидел в изображении мира только великих людей сужение исторической панорамы. Он считал, что для полноты картины необходимо показывать простых людей и их быт. Во второй статье, написанной уже после смерти Карповича, Ульянов пояснял, что включение быта простых людей вряд ли может быть целью и возможностью исторического романа, что быт являет собой физиологию живого общественного организма. Как таковой, он может быть запечатлен в бытовых романах, в фи-

зиологическом (натуралистическом) очерке, но он противоречит историческому повествованию. Ульянов считал бытописание не имеющим отношения к историческому жанру. Другое дело, что через сотни лет по бытовому роману можно будет представить какие-то стороны жизни в изображенную эпоху. Но и через сто лет такие романы не станут историческим жанром. Место центрального ядра, сюжето- и жанрообразующей основы исторического романа Ульянов отводил изображению великих людей и их деяний. При этом вряд ли он мог отрицать существование в художественном пространстве произведения вымышленных образов простых людей, не оставивших следа в истории. Соответственно, отражался и их быт, который конструировался писателем с некоей долей исторического правдоподобия, хотя быт как таковой не мог служить основой исторического романа.

Особенностью исторического повествования является отбор событий, причем события должны быть действительно имевшими место в истории, исключительными, неповторимыми, наполненными драматургией и действием. На первый взгляд, Ульянов отрицал психологизм персонажей исторического романа. Но это было отрицание психологического анализа как основы исторического жанра. «Кого душевный склад Ивана Грозного привлекает сам по себе, в плане одних только душевных движений, независимо от личности и от событий, тот исторического романа не напишет» [20, с. 18].

Ульянов полемизирует с представлением об архаичности исторического романа, о его оторванности от современности. В изображении исторического события, факта, личности всегда отражается взгляд писателя из своего времени, из своей эпохи. Он приводит слова В. Розанова о том, что для освещения прошлого нужен «фонарь в душе». И разворачивая метафору, продолжает: «Сконструирован этот осветительный прибор окружающей нас действительностью и зажигается фонарщиком нашего времени» [20, с. 14]. Прекрасно образованный, эрудированный, свободно включающий в поле зрения русскую и европейскую литературу, философию, историю, живопись, Ульянов аргументирует свои взгляды авторитетными примерами и цитатами из В. Татищева, Н. Бердяева, В. Розанова, В. Вейдле, А. Кизеветтера.

Обращение к жанру исторического романа, который представлялся современниками умирающим, вплеталось в контекст вырождения литературы, в целом оскудения и опошления культуры. Ульянов разделял опасение гибели культуры, предчувствовавшееся А. Блоком, В. Розановым, Е. Замятиным. «Ни золотому, ни серебряному веку не бывать больше, лучшее позади» [17, с. 97], – такова пессимистическая оценка Ульяновым состояния литературы в начале 1960-х годов.

В статье с говорящим названием «Шестая печать» Ульянов рассматривает современное ему состояние мира как подтверждение апокалиптических предсказаний поэтов и философов начала века. Катастрофичность мира, которая ощущалась А. Белым, конец истории, о котором говорил В. Соловьев, закат европейской культуры Шпенглера, восстание масс Ортега-и-Гассета из призрачного пророчества во второй половине XX в. превращались в реальность. Называя свое поколение «детьми заката», Ульянов тоже пророчески писал: «Мы последнее поколение, способное чувствовать ужас надвигающегося конца. Следующие за нами будут гибнуть, но не будут знать, что гибнут. Конец мира станет для них бытовым явлением» [23, с. 133]. Из жизни будет изгоняться прекрасное, а на смену ему придет уродство и дикость. Не машинная цивилизация будет источником гибели, а сам человек, лишенный духовности, добровольно заменяющий культуру варварством, принципиальность – ложно понятой толерантностью. «На глазах одного поколения произошли сдвиги и разрушения, исключающие возможность возврата ко временам благополучия. Всеобщее скольжение в бездну открылось самому неискушенному взору» [23, с. 141]. Актуальность этих размышлений для нашего XXI века бесспорна.

Почти все работы Ульянова о литературе строятся вокруг основных и принципиально важных тезисов: художественность литературы как необходимое условие ее развития и гибель культуры, лишенной прекрасного и духовного. Именно из этих коренных проблем вырастают и размышления о писателях ди-пи, об их роли как преемников литературы первой волны эмиграции, неприятие политической ангажированности литературы, предвидение гибели культуры. Написанные блестящим стилем, безукоризненным языком, демонстрирующие энциклопедическую эрудицию автора статьи Н. Ульянова отражают основные проблемы формирования литературы и критики второй волны эмиграции и представляют ценный материал для исследователей.

Список использованной литературы

1. Алымов А. Внуки Лескова / А. Алымов // Наша страна. – 6 июня 1953. – № 177. – С. 3–4.
2. Багдасарян В.Э. Исторические взгляды Н.И. Ульянова: дис. ... канд. ист. наук / В.Э. Багдасарян. – М., 1996. – 289 с.
3. Багдасарян В.Э. Николай Иванович Ульянов / В.Э. Багдасарян // Историки России. Биографии. – М.: Росспэн, 2002. – С. 758–763.
4. Базанов П.Н. Петропольский Тацит в изгнании / П.Н. Базанов // Сфинкс. – 1995. – № 1 (3). – С. 201–213.
5. Базанов П.Н. Историк Н.И. Ульянов / П.Н. Базанов // Новый журнал / The New Review. – 2012. – № 269. – С. 285–301.
6. Брачев В.С. Н.И. Ульянов – историк России / В.С. Брачев, А.С. Лавров // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 6: Философия, политология, социология, психология, право. – 1993. – Вып. 4 (27). – С. 129–132.
7. Добренко Е. Не по словам, но по делам его: продолжая дискуссию / Е. Добренко // Избавление от миражей. Соцреализм сегодня / под ред. Е. Добренко. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 309–334.
8. Золотусский И. Крушение абстракций / И. Золотусский // Избавление от миражей. Соцреализм сегодня / под ред. Е. Добренко. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 238–269.
9. Карпович М.М. Комментарии / М.М. Карпович // Новый журнал / The New Review. – 1953. – № 35. – С. 288–300.
10. Kowalska-Stus H. Историческая перспектива образа мира в творчестве Николая Ульянова / H. Kowalska-Stus // Emigrantologia Słowian. – 2015. – Vol. 1. – S. 85–95.
11. Нефагина Г. Дискурс русской классической и советской литератур в прозе второй волны эмиграции (на материале двух произведений о чекистах) / Г. Нефагина // Параллели и пересечения. Русская литература во времени и пространстве: монография. – Минск: Четыре четверти, 2017. – С. 245–264.
12. Нефагина Г. Исторический роман в литературе второй волны эмиграции / Г. Нефагина // Słowianie na emigracji. Literatura – Kultura – Język / Red. Nauk. Bronisław Kodzis, Maria Giej. – Opole: Racibórz, 2015. – S. 93–103.
13. Реймерс Н.А. Эстетический принцип в истории / Н.А. Реймерс. – Paris: Ymca Press, 1931. – 91 с.
14. Ульянов Н. Внуки Лескова / Н. Ульянов // Критика русского зарубежья: в 2 т. / под ред. О.А. Коростелева, Н.Г. Мельникова. – М.: АСТ; Олимп, 2002. – Т. 2. – С. 279–298.
15. Ульянов Н. Десять лет / Н. Ульянов // Скрипты. – Michigan, USA: Ann Arbor, Эрмитаж, 1981. – С. 7–24.
16. Ульянов Н. Забытый бог / Н. Ульянов // Диптих. – Нью-Йорк: Издание автора; Basdikirzew Buchdruckerei, 1967. – С. 82–88.
17. Ульянов Н. Б.К. Зайцев / Н. Ульянов // Диптих. – Нью-Йорк: Издание автора; Basdikirzew Buchdruckerei, 1967. – С. 88–98.
18. Ульянов Н. Застигнутый ночью / Н. Ульянов // Новый журнал / The New Review. – 1954. – № 39. – С. 143–154.
19. Ульянов Н. Литературная слава / Н. Ульянов // Диптих. – Нью-Йорк: Издание автора; Basdikirzew Buchdruckerei, 1967. – С. 124–132.
20. Ульянов Н. Об историческом романе / Н. Ульянов // Диптих. – Нью-Йорк: Издание автора; Basdikirzew Buchdruckerei, 1967. – С. 5–23.
21. Ульянов Н. После Бунина / Н. Ульянов // Скрипты. – Michigan, USA: Ann Arbor, Эрмитаж, 1981. – С. 25–48.
22. Ульянов Н. Спуск флага / Н. Ульянов // Спуск флага. – New York; New Haven: Издание автора; Russian Phototypesetting Corp., 1979. – С. 27–31.
23. Ульянов Н. Шестая печать / Н. Ульянов // Диптих. – Нью-Йорк: Издание автора; Basdikirzew Buchdruckerei, 1967. – С. 132–145.
24. Струве Г.П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы / Г.П. Струве. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956. – 408 с.
25. Ходасевич В. Литература в изгнании / В. Ходасевич // Критика русского зарубежья: в 2 т. / под ред. О.А. Коростелева, Н.Г. Мельникова. – М.: АСТ; Олимп, 2002. – Т. 1. – С. 339–353.